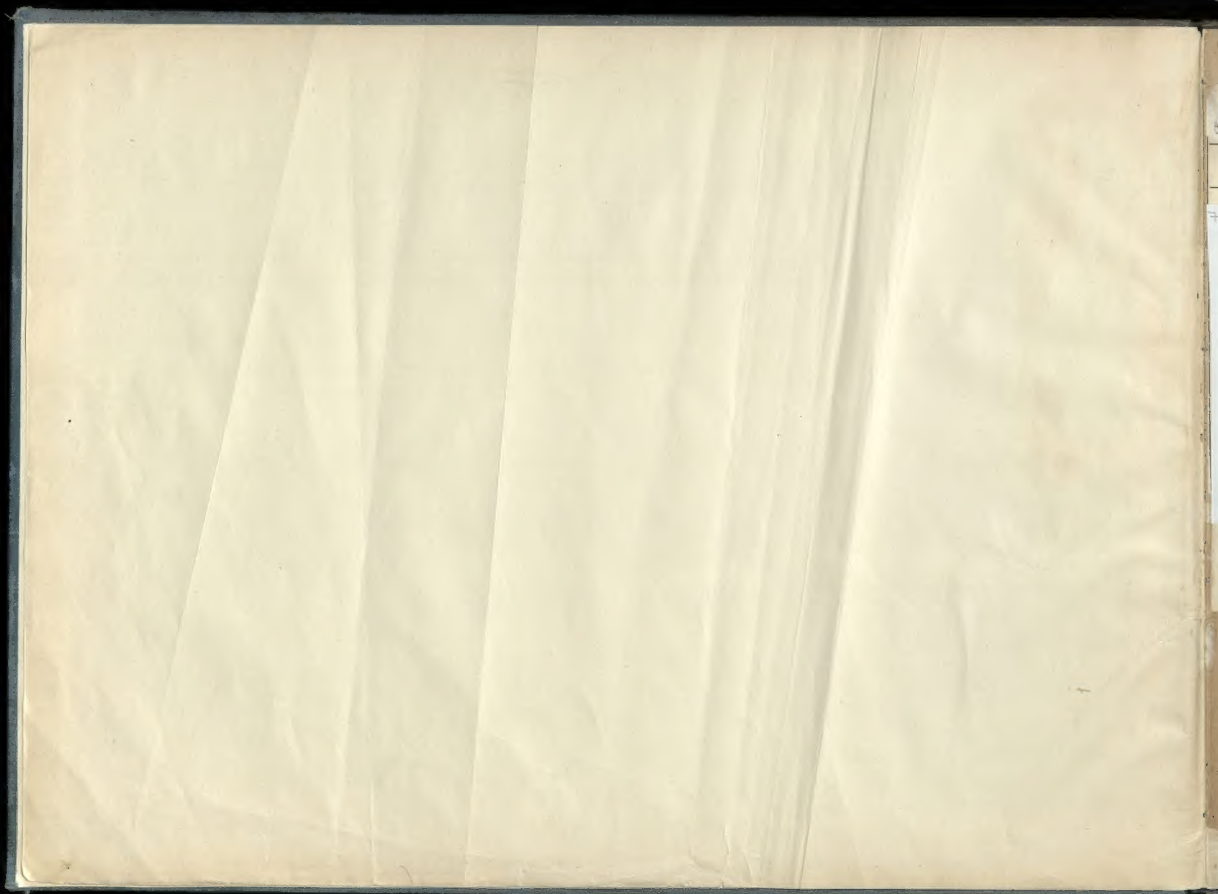

Альбомъ акварелей
къ роману графа
Л. Н. Толстого
Война и миръ
Безплатное
приложеніе къ ж.
Сѣверъ
на 1893 г.

Безплатное приложеніе къ журналу „СѢВЕРЪ“.

АЛЬБОМЪ АКВАРЕЛЕЙ

КЪ РОМАНУ

графа Л. Н. ТОЛСТОГО

„ВОЙНА и МИРЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ:

Изданіе Евг. Евдокимова.

Дозволено цензурою Спб. 9 октября 1893 г.

Типографія Е. Евдокимова, Бол. Итальянская, № 11.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція СѢВЕРА, по примѣру прошлаго года, и въ настоящемъ 1893 году даетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ безплатной преміи альбомъ къ произведеніямъ великихъ русскихъ писателей, а именно — къ роману графа Л. Н. Толстого „Война и Миръ". Картины альбома исполнены нашими выдающимися художниками, а художественное воспроизведеніе ихъ въ одномъ изъ первоклассныхъ ателье заграницей вполнѣ передаетъ всѣ мельчайшіе оттѣнки иллюстрацій къ геніальному творенію великаго русскаго писателя.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Акварельный портретъ профессора **И. Е. Рѣпина**.

Прилагаемый къ настоящему альбому портретъ графа Льва Николаевича Толстого исполненъ спеціально для «Сѣвера» нашимъ извѣстнымъ художникомъ Ильею Ефимовичемъ Рѣпинымъ.

Великій писатель изображенъ художникомъ, въ одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ своей плодотворной дѣятельности: въ минуту творчества, пишущій въ своемъ кабинетѣ.

Портреты гр. Л. Н. Толстого, принадлежащіе кисти И. Е. Рѣпина, давно уже пріобрѣли всеобщую извѣстность. Ни одинъ художникъ не изображалъ величавыя черты нашего геніальнаго писателя такъ правдиво и жизненно, какъ И. Е. Рѣпинъ.

Къ иллюстраціямъ другихъ художниковъ наилучшимъ объясненіемъ могутъ, конечно, служить соотвѣтственныя строки изъ безсмертнаго произведенія гр. Л. Н. Толстого — «Война и миръ» — которыя мы и приводимъ ниже.

Ред.

Батарея капитана Тушина при Шенграбенѣ.

Акварель **Н. Н. Каразина**.

«...Про батарею Тушина было забыто, и только въ самомъ концѣ дѣла, продолжая слышать канонаду въ центрѣ, князь Багратіонъ послалъ туда дежурнаго штабъ-офицера и потомъ князя Андрея, чтобы велѣть батареѣ отступать какъ можно скорѣе. Прикрытіе, стоявшее подлѣ пушекъ Тушина, ушло, по чьему-то приказанію, въ серединѣ дѣла; но батарея продолжала стрѣлять и не была взята французами только потому, что непріятель не могъ предполагать дерзости стрѣльбы четырехъ, никѣмъ не защищенныхъ пушекъ. Напротивъ, по энергичному дѣйствію этой батареи, онъ предполагалъ, что здѣсь, въ центрѣ, сосредоточены главныя силы русскихъ, и два раза пытался атаковать этотъ пунктъ, и оба раза былъ прогоняемъ картечными выстрѣлами одиноко стоявшихъ на этомъ возвышеніи четырехъ пушекъ.

Скоро послѣ отъѣзда князя Багратіона Тушину удалось зажечь Шенграбенъ.

. . . .

«Ну, Матвѣвна, матушка, не выдавай!» — говорилъ онъ, отходя отъ орудія, какъ надъ его головой раздался чуждый, незнакомый голосъ: — Капитанъ Тушинъ! Капитанъ!

Тушинъ испуганно оглянулся. Это былъ тотъ штабъ-офицеръ, который выгналъ его изъ Грунта. Онъ запыхавшимся голосомъ кричалъ ему:

— Что вы, съ ума сошли? Вамъ два раза приказано отступать, а вы...

— Ну, за что они меня?... — думалъ про себя Тушинъ, со страхомъ глядя на начальника.

— Я... ничего... — проговорилъ онъ, приставляя два пальца къ козырьку. — Я...

Но полковникъ не договорилъ всего, что хотѣлъ. Близко пролетѣвшее ядро заставило его, нырнувъ, согнуться на лошади. Онъ замолкъ, и только-что хотѣлъ сказать еще что-то, какъ еще ядро остановило его. Онъ поворотилъ лошадь и поскакалъ прочь.

— Отступать! Всѣ отступать! — прокричалъ онъ издалека.

Солдаты засмѣялись. Черезъ минуту пріѣхалъ адъютантъ съ тѣмъ же приказаніемъ.

Это былъ князь Андрей. Первое, что онъ увидѣлъ, выѣзжая на то пространство, которое занимали пушки Тушина, была отпряженная лошадь съ перебитою ногой, которая ржала около запряженныхъ лошадей. Изъ ноги ея, какъ изъ ключа, лилась кровь. Между передками лежало нѣсколько убитыхъ. Одно ядро за другимъ пролетало надъ нимъ въ то время, какъ онъ подъѣзжалъ, и онъ почувствовалъ, какъ нервическая дрожь пробѣжала по его спинѣ. Но одна мысль о томъ, что онъ боится, снова подняла его. «Я не могу бояться», — подумалъ онъ и медленно слѣзъ съ лошади между орудіями. Онъ передалъ приказаніе и не уѣхалъ съ батареи. Онъ рѣшилъ, что при себѣ сниметъ орудія съ позиціи и отведетъ ихъ. Вмѣстѣ съ Тушинымъ, шагая чрезъ тѣла и подъ страшнымъ огнемъ французовъ, онъ занялся уборкой орудій.

— А то пріѣзжало сейчасъ начальство, такъ скорѣе драло, — сказалъ фейерверкеръ князю Андрею, — не такъ, какъ ваше благородіе.

Князь Андрей ничего не говорилъ съ Тушинымъ. Они оба были такъ заняты, что, казалось, и не видали другъ друга. Когда, надѣвъ уцѣлѣвшія изъ четырехъ два орудія на передки, они двинулись подъ гору (одна разбитая пушка и единорогъ были оставлены), князь Андрей подъѣхалъ къ Тушину.

— Ну, до свиданья, — сказалъ князь Андрей, протягивая руку Тушину.

— До свиданія, голубчикъ, — сказалъ Тушинъ, — милая душа! Прощайте, голубчикъ! — сказалъ Тушинъ со слезами, которыя неизвѣстно почему вдругъ выступили ему на глаза...»

Наполеонъ и императоръ Александръ I на свиданіи въ Тильзитѣ.

Акварель профессора **А. Д. Кившенко**.

«...Борисъ въ числѣ немногихъ былъ на Нѣманѣ въ день свиданія императоровъ; онъ видѣлъ плоты съ вензелями, проѣздъ Наполеона по тому берегу мимо французской гвардіи, видѣлъ задумчивое лицо императора Александра въ то время, какъ онъ молча сидѣлъ въ корчмѣ на берегу Нѣмана, ожидая прибытія Наполеона; видѣлъ, какъ оба императора сѣли въ лодки и какъ Наполеонъ, приставши прежде къ плоту, быстрыми шагами пошелъ впередъ и, встрѣчая Александра, подалъ ему руку, и какъ оба скрылись въ павильонѣ. Со времени своего вступленія въ высшіе міры, Борисъ сдѣлалъ себѣ привычку внимательно наблюдать то, что происходило вокругъ него, и записывать. Во время свиданія въ Тильзитѣ, онъ распрашивалъ объ именахъ тѣхъ лицъ, которыя пріѣхали съ Наполеономъ, о мундирахъ, которые были на нихъ надѣты, и внимательно прислушивался къ словамъ, которыя были сказаны важными лицами. Въ то самое время, какъ императоры вошли въ павильонъ, онъ посмотрѣлъ на часы и не забылъ посмотрѣть опять въ то время, когда Александръ вышелъ изъ павильона. Свиданіе продолжалось часъ и пятьдесятъ три минуты: онъ такъ и записалъ это въ тотъ вечеръ въ числѣ другихъ фактовъ, которые, онъ чувствовалъ, имѣли историческое значеніе...»

Наташа Ростова на первомъ балу.

Акварель **Л. О. Пастернака**.

«...Пьеръ подошелъ къ князю Андрею и схватилъ его за руку.

— Вы всегда танцуете. Тутъ есть моя protégée, Ростова молодая, пригласите ее, — сказалъ онъ.

— Гдѣ? спросилъ Болконскій. — Виноватъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ барону, — этотъ разговоръ мы въ другомъ мѣстѣ доведемъ до конца, а на балѣ надо танцовать. Онъ вышелъ впередъ, по направленію, которое ему указывалъ Пьеръ. Отчаянное, замирающее лицо Наташи бросилось въ глаза князю Андрею. Онъ узналъ ее, угадалъ ея чувство, понялъ, что она была начинающая, вспомнилъ ея разговоръ на окнѣ и съ веселымъ выраженіемъ лица подошелъ къ графинѣ Ростовой.

— Позвольте васъ познакомить съ моею дочерью, — сказала графиня, краснѣя.

— Я имѣю удовольствіе быть знакомымъ, ежели графиня помнитъ меня, — сказалъ князь Андрей, съ учтивымъ и низкимъ поклономъ, совершенно противорѣчащимъ замѣчаніямъ Перонской о его грубости, подходя къ Наташѣ и занося руку, чтобъ обнять ея талію еще прежде, чѣмъ онъ договорилъ приглашеніе на танецъ. Онъ предложилъ туръ вальса. То замирающее выраженіе лица Наташи, готовое на отчаяніе и на восторгъ, вдругъ освѣтилось счастливою, благодарною, дѣтскою улыбкой...

«Давно я ждала тебя, — какъ будто сказала эта испуганная и счастливая дѣвочка, своею проявившеюся изъ-за готовыхъ слезъ улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея. Они были вторая пора, вошедшая въ кругъ. Князь Андрей былъ однимъ изъ лучшихъ танцоровъ своего времени. Наташа танцовала превосходно. Ножки ея въ бальныхъ атласныхъ башмачкахъ быстро, легко и независимо отъ нея дѣлали свое дѣло, а лицо ея сіяло восторгомъ счастія. Ея оголенныя шея и руки были худы и некрасивы, въ сравненіи съ плечами Элленъ. Ея плечи были худы, грудь неопредѣленна, руки тонкія; но на Эленъ былъ уже какъ будто лакъ отъ всѣхъ тысячъ взглядовъ, скользившихъ по ея тѣлу, а Наташа казалась дѣвочкой, которую въ первый разъ оголили и которой бы очень стыдно это было, ежели бы ее не увѣрили, что это такъ необходимо надо.

Князь Андрей любилъ танцовать, и, желая поскорѣе отдѣлаться отъ политическихъ и умныхъ разговоровъ, съ которыми всѣ обращались къ нему, и желая поскорѣе разорвать этотъ досадный ему кругъ смущенія, образовавшагося отъ присутствія государя, пошелъ танцовать и выбралъ Наташу, потому что на нее указалъ ему Пьеръ и потому, что она первая изъ хорошенькихъ женщинъ попала ему на глаза; но едва онъ обнялъ этотъ тонкій, подвижный станъ, и она зашевелилась такъ близко отъ него и улыбнулась такъ близко ему, вино ея прелести ударило ему въ голову: онъ почувствовалъ себя ожившимъ и помолодѣвшимъ, когда, переводя дыханье и оставивъ ее, остановился и сталъ глядѣть на танцующихъ»...

Ростовы на псовой охотѣ въ „Отрадномъ".

Акварель профессора **А. Д. Кившенко**

«...Николай, его стремянной, дядюшка и его охотникъ вертѣлись надъ звѣремъ, улюлюкая, крича, всякую минуту собираясь слѣзть, когда волкъ садился назадъ, и всякій разъ пускаясь впередъ, когда волкъ встряхивался и подвигался къ засѣкѣ, которая должна была спасти его.

Еще въ началѣ этой травли, Данило, услыхавъ улюлюканье, выскочилъ на опушку лѣса. Онъ видѣлъ, какъ Карай взялъ волка, и остановилъ лошадь, полагая, что дѣло было кончено. Но когда охотники не слѣзли и волкъ встряхнулся и опять пошелъ на утекъ, Данило выпустилъ своего бураго не къ волку, а прямо линіей къ засѣкѣ, такъ же, какъ Карай, наперерѣзъ звѣрю. Благодаря этому направленію, онъ подскакивалъ къ волку въ то время, какъ во второй разъ его остановили дядюшкины собаки.

Данило скакалъ молча, держа вынутый кинжалъ въ лѣвой рукѣ и, какъ цѣпомъ, молотя своимъ арапникомъ по подтянутымъ бокамъ бураго.

Николай не видалъ и не слыхалъ Данилы до тѣхъ поръ, пока мимо самого его не пропыхтѣлъ, тяжело дыша, бурый, и онъ услыхалъ звукъ

паденія тѣла, и увидалъ, что Данило уже лежитъ въ серединѣ собакъ на заду волка, стараясь поймать его за уши. Очевидно было и для собакъ, и для охотниковъ, и для волка, что теперь все кончено. Звѣрь, испуганно прижавъ уши, старался подняться, но собаки облѣпили его. Данило, привставъ, сдѣлалъ падающій шагъ, и всею тяжестью, какъ будто ложась отдыхать, повалился на волка, хватая его за уши. Николай хотѣлъ колоть, но Данило прошепталъ: «Не надо, сострунимъ» — и, перемѣнивъ положеніе, наступилъ ногою на шею волку. Въ пасть волку заложили палку, завязали, какъ бы взнуздавъ его сворой, связали ноги, и Данило раза два съ одного бока на другой перевалилъ волка.

Съ счастливыми, измученными лицами, живаго, матераго волка взвалили на шарахающую и фыркающую лошадь и, сопутствуемые визжавшими на него собаками, повезли къ тому мѣсту, гдѣ должны были всѣ собраться. Молодыхъ двухъ взяли гончія и трехъ борзыя. Охотники съѣзжались съ своими добычами и разсказами, и всѣ подъѣзжали и подходили смотрѣть матераго волка, который, свѣсивъ свою лобастую голову съ закушенною палкой во рту, большими стеклянными глазами смотрѣлъ на всю эту толпу собакъ и людей, окружавшихъ его. Когда его трогали, онъ, вздрагивая завязанными ногами, дико и вмѣстѣ съ тѣмъ просто смотрѣлъ на всѣхъ. Графъ Илья Андреичъ тоже подъѣхалъ и потрогалъ волка...»

Поѣздка Ростовыхъ на святкахъ къ Мелюковымъ.

Акварель **Н. Н. Каразина**.

«...Выѣхавъ въ торную, большую дорогу, примасленную полозьями и всю изсѣченную слѣдами шиповъ, видными въ свѣтѣ мѣсяца, лошади сами собой стали натягивать возжи и прибавлять ходу. Лѣвая пристяжная, загнувъ голову, прыжками подергивала свои постромки. Коренной раскачивался, поводя ушами, какъ будто спрашивая: «начинать или рано еще?» Впереди, уже далеко отдѣлившись и звеня удаляющимся густымъ колокольцомъ, ясно виднѣлась на бѣломъ снѣгу черная тройка Захара. Слышны были изъ его саней покрикиванье и хохотъ и голоса наряженныхъ.

— Ну ли вы, разлюбезные! крикнулъ Николай, съ одной стороны подергивая возжу и отводя съ кнутомъ руку. И только по усилившемуся какъ будто навстрѣчу вѣтру и по подергиванью натягивающихъ и все прибавляющихъ скоку пристяжныхъ замѣтно было, какъ шибко полетѣла тройка. Николай оглянулся назадъ. Съ крикомъ и визгомъ, махая кнутами и заставляя скакать коренныхъ, поспѣвали другія тройки. Коренной стойко покалыхивался подъ дугой, не думая сбивать и обѣщая еще и еще наддать, когда понадобится.

Николай догналъ первую тройку. Они съѣхали съ какой-то горы и выѣхали на широ-разъѣзженную дорогу по лугу около рѣки.

«Гдѣ это мы ѣдемъ? — подумалъ Николай. — По Косому лугу должно быть. Но нѣтъ, это что-то новое, чего я никогда не видалъ. Это не Косой лугъ и не Демкина гора, а это Богъ знаетъ что такое! — это что-то новое и волшебное. Ну, что бы тамъ ни было...» И онъ, крикнувъ на лошадей, сталъ объѣзжать первую тройку.

Захаръ сдержалъ лошадей и обернулъ свое уже объиндевѣвшее до бровей лицо.

Николай пустилъ своихъ лошадей; Захаръ, вытянувъ впередъ руки, чмокнулъ и пустилъ своихъ.

— Ну, держись, баринъ, — проговорилъ онъ. — Еще быстрѣе рядомъ полетѣли тройки, и быстро перемѣнялись ноги скачущихъ лошадей. Николай сталъ забирать впередъ. Захаръ, не перемѣняя положенія вытянутыхъ рукъ, приподнялъ одну руку съ возжами.

— Врешь, баринъ! — прокричалъ онъ Николаю. Николай въ скокъ пустилъ всѣхъ лошадей и перегналъ Захара. Лошади засыпали мелкимъ, сухимъ снѣгомъ лица сѣдоковъ, рядомъ съ ними звучали частые переборы и путались быстро движущіяся ноги и тѣни перегоняемой тройки. Свистъ полозьевъ по снѣгу, женскіе взвизги слышались съ разныхъ сторонъ.

Опять остановивъ лошадей, Николай оглянулся кругомъ себя. Кругомъ была все та же пропитанная насквозь луннымъ свѣтомъ волшебная равнина съ разсыпанными по ней звѣздами...

«Захаръ кричитъ, чтобъ я взялъ налѣво; а зачѣмъ налѣво?» думалъ Николай. — «Развѣ мы къ Мелюковымъ ѣдемъ, развѣ это Мелюковка? Мы Богъ знаетъ гдѣ ѣдемъ, и Богъ знаетъ, что съ нами дѣлается, и очень странно и хорошо то, что съ нами дѣлается».

Наполеонъ и Лаврушка на переходѣ изъ Вязьмы къ Цареву-Займищу.

Акварель **Л. О. Пастернака**.

Послѣ Смоленска Наполеонъ искалъ сраженія за Дорогобужемъ у Вязьмы, потомъ у Царева Займища; но выходило, что по безчисленному столкновенію обстоятельствъ до Бородина, въ 112 верстахъ отъ Москвы, русскіе не могли принять сраженія. Отъ Вязьмы было сдѣлано распоряженіе Наполеономъ для движенія прямо на Москву.

«Москва, азіатская столица этой великой имперіи, священный городъ народовъ Александра, Москва съ своими безчисленными церквами въ формѣ китайскихъ пагодъ», — эта Москва не давала покоя воображенію Наполеона. На переходѣ изъ Вязьмы къ Цареву-Займищу Наполеонъ верхомъ ѣхалъ на своемъ соловомъ энглизированномъ иноходчикѣ, сопутствуемый гвардіей, карауломъ, пажами и адъютантами. Начальникъ штаба Бертье отсталъ для того, чтобы допросить взятаго кавалеріей русскаго плѣннаго. Онъ галопомъ, сопутствуемый переводчикомъ Лелормъ-Дидевилемъ, догналъ Наполеона и съ веселымъ лицомъ остановилъ лошадь.

— Ну? — сказалъ Наполеонъ.

— Платовскій казакъ говоритъ, что корпусъ Платова соединяется съ большою арміей, что Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ. Очень смѣтливъ и болтливъ.

Наполеонъ улыбнулся, велѣлъ дать этому казаку лошадь и привести его къ себѣ. Онъ самъ желалъ поговорить съ нимъ. Нѣсколько адъютантовъ поскакало, и черезъ часъ крѣпостной человѣкъ Денисова, уступленный имъ Ростову, Лаврушка въ денщицкой курткѣ, на французскомъ кавалерійскомъ сѣдлѣ, съ плутовскимъ и пьянымъ веселымъ лицомъ, подъѣхалъ къ Наполеону. Наполеонъ велѣлъ ему ѣхать рядомъ съ собой и началъ спрашивать:

— Вы казакъ?

— Казакъ-съ, ваше благородіе.

«Казакъ, не знавшій въ какомъ обществѣ онъ находился, потому что простота Наполеона не имѣла ничего такого, что бы могло облегчить для восточнаго воображенія присутствіе государя, разговаривалъ съ чрезвычайною фамильярностью объ обстоятельствахъ настоящей войны», говоритъ Тьеръ, разсказывая этотъ эпизодъ. Дѣйствительно, Лаврушка, напившійся наканунѣ пьянымъ и оставившій барина безъ обѣда, былъ высѣченъ наканунѣ и отправленъ въ деревню за курами, гдѣ онъ увлекся мародерствомъ и былъ взятъ въ плѣнъ французами. Лаврушка былъ одинъ изъ тѣхъ грубыхъ, наглыхъ лакеевъ, видавшихъ всякіе виды, которые считаютъ долгомъ все дѣлать съ подлостью и хитростью, которые готовы сослужить всякую службу своему барину и которые хитро угадываютъ барскія дурныя мысли, въ особенности тщеславіе и мелочность.

Попавъ въ общество Наполеона, котораго личность онъ очень хорошо и легко призналъ, Лаврушка нисколько не смутился и только старался отъ всей души заслужить новымъ господамъ...

Онъ очень хорошо зналъ, что это самъ Наполеонъ, и присутствіе Наполеона не могло смутить его больше, чѣмъ присутствіе Ростова, или вахмистра съ розгами, потому что не было ничего у него, чего бы не могъ лишить его ни вахмистръ, ни Наполеонъ.

Онъ вралъ все, что толковалось между денщиками. Многое изъ этого была правда. Но когда Наполеонъ спросилъ его, какъ же думаютъ русскіе, побѣдятъ они Бонапарта, или нѣтъ, Лаврушка прищурился и задумался.

Онъ увидалъ тутъ тонкую хитрость, какъ всегда во всемъ видятъ хитрость люди подобные Лаврушкѣ, насупился и помолчалъ.

— Оно значитъ, коль быть сраженью, — сказалъ онъ задумчиво, — и въ скорости, то ваша возьметъ. Это такъ точно. Ну, а коли пройдетъ три дня, а послѣ того самаго числа, — ну, тогда, значитъ, это самое сраженіе въ оттяжку пойдетъ.

Наполеону перевели это такъ: «ежели сраженіе будетъ дано раньше трехъ дней, то французы выиграютъ его, но ежели позже, то Богъ знаетъ, что можетъ изъ этого выйдти», улыбаясь передалъ Лелорнъ-Дидевиль. Наполеонъ не улыбнулся, хотя онъ видимо былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, и велѣлъ повторить себѣ эти слова.

Лаврушка замѣтилъ это и, чтобы развеселить его, сказалъ притворяясь, что не знаетъ, кто онъ.

— Знаемъ, у васъ есть Бонапартъ, онъ всѣхъ въ мірѣ побилъ, — ну, да объ насъ другая статья... — сказалъ онъ, самъ не зная, какъ и отчего подъ конецъ проскочилъ въ его словахъ хвастливый патріотизмъ. Переводчикъ передалъ эти слова Наполеону безъ окончанія, и Бонапартъ улыбнулся. «Молодой казакъ заставилъ улыбнуться своего могущественнаго собесѣдника, — говоритъ Тьеръ. — Проѣхавъ нѣсколько шаговъ молча, Наполеонъ обратился къ Бертье и сказалъ, что онъ хочетъ испытать дѣйствіе, которое произведетъ на это дитя Дона извѣстіе о томъ, что человѣкъ, съ которымъ говоритъ это дитя Дона, есть самъ императоръ, тотъ самый императоръ, который написалъ на пирамидахъ безсмертно-побѣдоносное имя».

Извѣстіе было передано.

Лаврушка (понявъ, что это дѣлалось, чтобъ озадачить его, и что Наполеонъ думаетъ, что онъ испугается), чтобъ угодить новымъ господамъ, тотчасъ же притворился изумленнымъ, ошеломленнымъ, выпучилъ глаза и сдѣлалъ такое же лицо, которое ему привычно было, когда его водили сѣчь. «Какъ только, — говоритъ Тьеръ, — переводчикъ Наполеона сказалъ это казаку, казакъ, охваченный какимъ-то остолбенѣніемъ, не произнесъ болѣе ни одного слова и продолжалъ ѣхать, не спуская глазъ съ завоевателя, имя котораго дошло до него черезъ степи Востока. Вся его разговорчивость внезапно пропала и замѣнилась наивнымъ и молчаливымъ чувствомъ восторга. Наполеонъ, наградивъ казака, приказалъ дать ему свободу, какъ птицѣ, которую возвращаютъ ея роднымъ полямъ».

Кутузовъ на Поклонной горѣ передъ военнымъ совѣтомъ въ Филяхъ.

Акварель профессора **А. Д. Кившенко**.

«...Кутузовъ на Поклонной горѣ, въ шести верстахъ отъ Дорогомиловской заставы, вышелъ изъ экипажа и сѣлъ на лавку на краю дороги. Огромная толпа генераловъ собралась вокругъ него. Графъ Ростопчинъ, пріѣхавъ изъ Москвы, присоединился къ нимъ. Все это блестящее общество, разбившись на нѣсколько кружковъ, говорило между собой о выгодахъ и невыгодахъ позиціи, о положеніи войскъ, о предполагаемыхъ планахъ, о состояніи Москвы, вообще о вопросахъ военныхъ. Всѣ чувствовали, что хотя и не были призваны на то, что хотя это не было такъ названо, но что это былъ военный совѣтъ. Разговоры всѣ держались въ области общихъ вопросовъ. Ежели кто и сообщалъ или узнавалъ личныя новости, то про это говорилось шепотомъ, и тотчасъ переходили опять къ общимъ вопросамъ: ни шутокъ, ни смѣха, ни улыбокъ даже не было замѣтно между всѣми этими людьми. Всѣ, очевидно, съ усиліемъ старались держаться на высотѣ положенія. И всѣ группы, разговаривая между собой, старались держаться

въ близости главнокомандующаго (лавка котораго составляла центръ въ этихъ кружкахъ) и говорили такъ, чтобъ онъ могъ ихъ слышать...»

Графъ Ростопчинъ и купеческій сынъ Верещагинъ на дворѣ губернаторскаго дома въ Москвѣ.

Акварель профессора **А. Д. Кившенко.**

«...Молодой человѣкъ въ лисьемъ тулупчикѣ стоялъ въ покорной позѣ, сложивъ кисти рукъ вмѣстѣ передъ животомъ и немного согнувшись. Исхудалое, съ безнадежнымъ выраженіемъ, изуродованною бритою головой молодое лицо его было опущено внизъ. При первыхъ словахъ графа онъ медленно поднялъ голову и поглядѣлъ снизу на графа, какъ бы желая что-то сказать ему или хоть встрѣтить его взглядъ. Но Ростопчинъ не смотрѣлъ на него. На длинной, тонкой шеѣ молодого человѣка, какъ веревка, напружилась и посинѣла жила за ухомъ и вдругъ покраснѣло лицо.

Всѣ глаза были устремлены на него. Онъ посмотрѣлъ на толпу и, какъ-бы обнадеженный тѣмъ выраженіемъ, которое онъ прочелъ въ лицахъ людей, онъ печально и робко улыбнулся и, опять опустивъ голову, поправился ногами на ступенькѣ.

— Онъ измѣнилъ своему царю и отечеству, онъ передался Бонапарту, онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ осрамилъ имя русскаго и отъ него погибаетъ Москва,—говорилъ Ростопчинъ ровнымъ, рѣзкимъ голосомъ, но вдругъ быстро взглянулъ внизъ на Верещагина, продолжавшаго стоять въ той же покорной позѣ. Какъ будто этотъ взглядъ взорвалъ его, онъ, поднявъ руку, закричалъ почти, обращаясь къ народу:—Своимъ судомъ расправляйтесь съ нимъ, отдаю его вамъ!

Народъ молчалъ и только все тѣснѣе и тѣснѣе нажималъ другъ на друга. Держать другъ друга, дышать въ этой зараженной духотѣ, не имѣть силы пошевелиться и ждать чего-то неизвѣстнаго, непонятнаго и страшнаго становилось невыносимо. Люди, стоявшіе въ переднихъ рядахъ, видѣвшіе и слышавшіе все то, что происходило предъ ними, всѣ съ испуганно-широко раскрытыми глазами и разинутыми ртами, напрягая всѣ свои силы, удерживали на своихъ спинахъ напоръ заднихъ.

— Бей его!.. Пускай погибнетъ измѣнникъ и не срамитъ имя русскаго! закричалъ Ростопчинъ.—Руби! Я приказываю.—Услыхавъ не слова, но гнѣвные звуки голоса Ростопчина, толпа застонала и надвинулась, но опять остановилась.

— Графъ!.. проговорилъ среди опять наступившей минутной тишины робкій и вмѣстѣ театральный голосъ Верещагина.—Графъ, одинъ Богъ надъ нами..., сказалъ Верещагинъ, поднявъ голову, и опять налилась кровью толстая жила на его тонкой шеѣ, и краска быстро выступила и сбѣжала съ его лица. Онъ не договорилъ того, что хотѣлъ сказать.

— Руби его! Я приказываю..., прокричалъ Ростопчинъ, вдругъ поблѣднѣвъ такъ же, какъ и Верещагинъ...»

Наташа Ростова и князь Андрей Болконскій въ Мытищахъ.

Акварель **Л. О. Пастернака.**

«...О, какъ тяжелъ этотъ не перестающій бредъ!» подумалъ князь Андрей, стараясь изгнать это лицо изъ своего воображенія. Но лицо это стояло предъ нимъ съ силою дѣйствительности, и лицо это приближалось. Князь Андрей хотѣлъ вернуться къ прежнему міру чистой мысли, но онъ не могъ, и бредъ втягивалъ его въ свою область. Тихій шепчущій голосъ продолжалъ свой мѣрный лепетъ, что-то давило, тянулось, и странное лицо стояло передъ нимъ. Князь Андрей собралъ всѣ свои силы, чтобъ опомниться; онъ пошевелился, и вдругъ въ ушахъ его зазвенѣло, въ глазахъ помутилось, и онъ, какъ человѣкъ окунувшійся въ воду, потерялъ сознаніе. Когда онъ очнулся, Наташа, та самая живая Наташа, которую изъ всѣхъ людей въ мірѣ ему болѣе всего хотѣлось любить тою новою, чистою, божескою любовью, которая была теперь открыта ему, стояла передъ нимъ на колѣняхъ. Онъ понялъ, что это была живая, настоящая Наташа, и не удивился, но тихо обрадовался. Наташа, стоя на колѣняхъ испуганно, но прикованно (она не могла двинуться) глядѣла на него, удерживая рыданія. Лицо ея было блѣдно и неподвижно. Только въ нижней части его трепетало что-то.

Князь Андрей облегчительно вздохнулъ, улыбнулся и протянулъ руку.

— Вы? сказалъ онъ.—Какъ счастливо!

Наташа быстрымъ, но осторожнымъ движеніемъ подвинулась къ нему на колѣняхъ и, взявъ осторожно его руку, нагнулась надъ ней лицомъ и стала цѣловать ее, чуть дотрогиваясь губами.

— Простите! сказала она шепотомъ, поднявъ голову и взглядывая на него.—Простите меня!

— Я васъ люблю, сказалъ князь Андрей.

— Простите...

— Что простить? спросилъ князь Андрей.

— Простите меня за то, что я сдѣ...лала, чуть слышнымъ пре[illegible]внымъ шепотомъ проговорила Наташа, и чаще стала, чуть дотрогивая губами, цѣловать руку.

— Я люблю тебя больше, лучше, чѣмъ прежде, сказалъ князь Андрей, поднимая рукой ея лицо, такъ чтобъ онъ могъ глядѣть въ ея глаза...

Глаза эти, налитые счастливыми слезами, робко-сострадательно и радостно-любовно смотрѣли на него. Худое и блѣдное лицо Наташи съ распухшими губами было болѣе чѣмъ некрасиво, — оно было страшно. Но князь Андрей не видѣлъ этого лица, онъ видѣлъ сіяющіе глаза, которые были прекрасны. Сзади ихъ послышался говоръ.

Петръ камердинеръ, теперь совсѣмъ очнувшійся отъ сна, разбудилъ доктора. Тимохинъ, не спавшій все время отъ боли въ ногѣ, давно уже видѣлъ все, что дѣлалось, и старательно закрывая простыней свое неодѣтое тѣло, ежился на лавкѣ.

— Это что такое?—сказалъ докторъ, приподнявшись съ своего ложа.— Извольте идти, сударыня!

Въ это же время въ дверь стучалась дѣвушка, посланная графиней, хватившейся дочери.

Какъ сомнамбулка, которую разбудили въ серединѣ ея сна, Наташа вышла изъ комнаты и, вернувшись въ свою избу, рыдая упала на свою постель...»

Разстрѣливаніе французами поджигателей въ Москвѣ.

Акварель **Л. О. Пастернака**.

Должно-быть послышалась команда, должно-быть послѣ команды раздались выстрѣлы 8-ми ружей. Но Пьеръ, сколько онъ ни старался вспомнить потомъ, не слыхалъ ни малѣйшаго звука отъ выстрѣловъ. Онъ видѣлъ только, какъ почему-то вдругъ опустился на веревкахъ фабричный, какъ показалась кровь въ двухъ мѣстахъ, и какъ самыя веревки, отъ тяжести повисшаго тѣла, распустились, и фабричный, неестественно опустивъ голову и подвернувъ ногу, сѣлъ. Пьеръ подбѣжалъ къ столбу. Никто не удерживалъ его. Вокругъ фабричнаго что-то дѣлали испуганные, блѣдные люди. У одного стараго усатаго француза тряслась нижняя челюсть, когда онъ отвязывалъ веревки. Тѣло спустилось. Солдаты неловко и торопливо потащили его за столбъ и стали сталкивать въ яму.

Всѣ очевидно несомнѣнно знали, что они были преступники, которымъ надо было скорѣе скрыть слѣды своего преступленія.

Пьеръ заглянулъ въ яму и увидѣлъ, что фабричный лежалъ тамъ колѣнами кверху, близко къ головѣ, одно плечо выше другого. И это плечо судорожно, равномѣрно опускалось и поднималось. Но уже лопатины земли сыпались на все тѣло. Одинъ изъ солдатъ сердито, злобно и болѣзненно крикнулъ на Пьера, чтобъ онъ вернулся. Но Пьеръ не понялъ его и стоялъ у столба, и никто не отгонялъ его.

Когда уже яма была вся засыпана, послышалась команда. Пьера отвели на его мѣсто, и французскія войска, стоявшія фронтами по обѣимъ сторонамъ столба, сдѣлали полуоборотъ и стали проходить мѣрнымъ шагомъ мимо столба. 24 человѣка стрѣлковъ съ разряженными ружьями, стоявшіе въ серединѣ круга, примыкали бѣгомъ къ своимъ мѣстамъ въ то время, какъ роты проходили мимо нихъ.

Пьеръ смотрѣлъ теперь безсмысленными глазами на этихъ стрѣлковъ, которые попарно выбѣгали изъ круга. Всѣ, кромѣ одного, присоединились къ ротамъ. Молодой солдатъ съ мертво-блѣднымъ лицомъ, въ киверѣ, свалившемся назадъ, опустивъ ружье, все еще стоялъ противъ ямы на томъ мѣстѣ, съ котораго онъ стрѣлялъ. Онъ какъ пьяный шатался, дѣлая то впередъ, то назадъ нѣсколько шаговъ, чтобы поддержать свое падающее тѣло. Старый солдатъ, унтеръ-офицеръ, выбѣжалъ изъ рядовъ и, схвативъ за плечо молодого солдата, втащилъ его въ роту. Толпа русскихъ и французовъ стала расходиться. Всѣ шли молча съ опущенными головами.

— Это научитъ ихъ поджигать,—сказалъ кто-то изъ французовъ. Пьеръ оглянулся на говорившаго и увидалъ, что это былъ солдатъ, который хотѣлъ утѣшиться чѣмъ-нибудь въ томъ, что было сдѣлано, но не могъ. Не договоривъ начатаго, онъ махнулъ рукою и пошелъ прочь...»

Смерть Пети Ростова.

Акварель **Н. Н. Каразина**.

«...— Подождать?... Урааа!...—закричалъ Петя и, не медля ни одной минуты, поскакалъ къ тому мѣсту, откуда слышались выстрѣлы и гдѣ гуще былъ пороховой дымъ. Послышался залпъ, провизжали пустыя и во что-то шлепнувшія пули. Казаки и Долоховъ вскакали вслѣдъ за Петей въ ворота дома. Французы, въ колеблющемся густомъ дыму, одни бросали оружіе и выбѣгали изъ кустовъ на встрѣчу казакамъ, другіе бѣжали подъ гору къ пруду. Петя скакалъ на своей лошади вдоль по барскому двору и, вмѣсто того, чтобы держать поводья, странно и быстро махалъ обѣими руками и все дальше и дальше сбивался съ сѣдла на одну сторону. Лошадь, набѣжавъ на тлѣвшій въ утреннемъ свѣтѣ костеръ, уперлась, и Петя тяжело упалъ на мокрую землю. Казаки видѣли, какъ быстро задергались его руки и ноги, несмотря на то, что голова его не шевелилась. Пуля пробила ему голову.

Переговоривши съ старшимъ французскимъ офицеромъ, который вышелъ къ нему изъ-за дома съ платкомъ на шпагѣ и объявилъ, что они сдаются, Долоховъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ неподвижно, съ раскинутыми руками, лежавшему Петѣ.

— Готовъ!—сказалъ онъ нахмурившись и пошелъ въ ворота навстрѣчу ѣхавшему къ нему Денисову...

— Убитъ?!—вскрикнулъ Денисовъ, увидавъ еще издалека то знакомое ему, несомнѣнно безжизненное положеніе, въ которомъ лежало тѣло Пети.

— Готовъ!—повторилъ Долоховъ, какъ будто выговариваніе этого слова доставляло ему удовольствіе, и быстро пошелъ къ плѣннымъ, которыхъ окружили спѣшившіеся казаки.—Брать не будемъ!—крикнулъ онъ Денисову.

Денисовъ не отвѣчалъ; онъ подъѣхалъ къ Петѣ, слѣзъ съ лошади и дрожащими руками повернулъ къ себѣ запачканное кровью и грязью, уже поблѣднѣвшее, лицо Пети.

«Я привыкъ... что-нибудь сладкое. Отличный изюмъ, берите весь», вспомнилось ему. И казаки съ удивленіемъ оглянулись на звуки, похожіе на собачій лай, съ которыми Денисовъ быстро отвернулся, подошелъ къ плетню и схватился за него.

Въ числѣ отбитыхъ Денисовымъ и Долоховымъ русскихъ плѣнныхъ былъ Пьеръ Безуховъ...»

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой

Акварельный портретъ профессора И. І. Рѣпина

А. Кившенко.

«Наташа Ростова на первомъ балу»

Акварель Л. О. Пастернака

4

2. Ростовы на псовой охотѣ въ Отрадномъ»

Акварель профессора А. Г. Кившенко

«Поѣздка Ростовыхъ на ...ятьхъ къ Мелюковымъ»

Акварель Н. Н. К...

Наполеонъ и [illegible] изъ Вязьмы къ Царёву Займищу.

1812.

Кутузовъ на Поклонной горѣ передъ военнымъ совѣтомъ въ Филяхъ.

Акварель профессора А. Д. Кившенко.

«Графъ Ростопчинъ и купеческій сынъ Верещагинъ на дворѣ генералъ-губернаторскаго дома въ Москвѣ».

Акварель профессора А. Д. Кившенко.

«Раз[illegible] французами [illegible] въ Мо[illegible]

[illegible]

«Смерть Пети Ростова»

Акварель Н. Н. Кара[illegible]

